

Как быстро век все укроет,
и сколько уже укрыл!

Марк Аврелий.

Наедине с собой. Размышления.

Книга шестая (59)

(Перевод С. Роговина)

Ки-Уэст

Они явились за ним туда, где он обычно работал.

Теплой предвечерней порой дела шли бойко, и Джим думал, что, пожалуй, еще час — и можно отправляться домой.

На пристани бесцельно толпились приезжие всех форм и размеров, напоминая косяк ярко раскрашенных рыбок.

Туристы самозабвенно жевали, поглощая все то, что могли предложить кафе и уличные торговцы Ки-Уэста: гамбургеры, буррито, мороженое, обсыпанные сахарной пудрой горячие пончики. Потягивали через соломинки кока-колу, холодный чай и содовую из таких емкостей, в которых вполне могли бы плавать маленькие дети.

Был четвертый час — ни поздний ланч, ни ранний ужин. Джим несколько не сомневался, что все эти люди уже поели в середине дня, а в семь снова усядутся за стол, набивая животы пастой, жареной рыбой, гамбургерами и запивая все это холодным шардоне. Пока же они просто бродили туда-сюда, словно гигантских размеров саранча или счастливые коровы на бескрайнем пастбище.

Их ненасытность потрясала. Если чуть пофантазировать, то можно было представить, будто все эти туши лишь движущиеся вместелища желудков и кишечников, увенчанные непрерывно работающими челюстями. И если ис-

точник пицци внезапно иссякнет, то после некоторой паузы головы с прожорливыми пастями начнут медленно поворачиваться, оценивая окружающих на предмет съедобности.

Подобные мысли не покидали Джима, несмотря на все его старания, пока он стоял, прислонившись к ограде вдоль северной стороны Мэллори-сквер. Дальше улочка переходила в террасу, а затем в бульвар, который вел от гостиниц и ресторанов к морю.

Накануне вечером сюда причалили круизные лайнеры, многоэтажные громадины, превосходившие размерами отели, и извергли из своего нутра очередные стада владеющих кредитными карточками травоядных.

Со стороны мелководья дул легкий приятный ветерок. В правой руке Джим держал фотоаппарат, а в сумке, висевшей на плече, лежали кассеты для поляроида и плоская коробка с картонными рамками для фотографий.

Джим Уэстлейк уже много лет занимался тем, что фотографировал туристов. Конечно, полагалось иметь лицензию, но ее отсутствие никогда не было для него проблемой.

Он не приставал к сидевшим за столиками, не ходил с громкими криками взад-вперед и не выскакивал с завлекающей улыбкой прямо перед носом гуляющих. Он никогда не был коммивояжером и старался не доставлять никому лишних неприятностей.

В шестьдесят один год Джим по-прежнему оставался крепким широкоплечим мужчиной. Лишь слегка обрюзгшее лицо выдавало его возраст. Он носил голубые широкие брюки и белую рубашку с коротким рукавом, которые, если честно, терпеть не мог. Седые волосы зачесаны назад, на глазах — темные очки.

Обычно он проводил время в окрестностях Мэллори-сквер или прохаживался туда-сюда по Дюваль-стрит, а увидев того, кто казался ему подходящим объектом, просто предлагал сфотографироваться. Многие решительно качали головой, обеспокоенные перспективой непредвиденных

расходов, а некоторые просто проходили мимо, даже не обратив на него внимания.

Лишь немногие останавливались, несколько секунд думали, а потом решали: в конце концов, мы же на отдыхе. К тому времени они уже успели побывать на экскурсии в доме Хемингуэя, постоять на южном мысу и прокатиться над рифами в лодке со стеклянным днищем. И вообще, они неплохо проводили время, а фотографы для того и существуют, чтобы можно было доказать другим и самим себе, что ты отлично отдохнул, немного загорел и хотя бы ненадолго смог забыть о повседневных заботах.

Конечно, скорее всего, у них на шее висел собственный фотоаппарат, может быть даже цифровой, и Джим понимал, что дни его профессии сочтены. Фотографии больше не были редкостью, и мгновенность их получения более не являлась чем-то необычным. Но супружеская пара, подойдя к нему, могла сфотографироваться вдвоем, не обращаясь к помощи посторонних, к тому же Джим умел вызывать улыбку у детей.

Фотография вставлялась в памятную рамку с надписью «Привет из Ки-Уэста» — превосходный подарок для оставшихся дома матерей, достаточно личный и не требующий особых усилий. Туристы видели, что фотограф прилагает все старания — если ему не нравился первый снимок, он делал еще один, без дополнительной оплаты, изящно убирая неудачную фотографию в сумку, чтобы люди не видели себя в неприглядном свете.

Пятнадцать баксов — не слишком дешево, но Джим обнаружил, что при такой цене дела у него идут даже лучше, чем если бы он брал по пять. За пять баксов вас могли просто сфотографировать. За пятнадцать — это уже настоящий сувенир.

Подобное занятие не могло принести ему богатства, но Джим к нему и не стремился. Деньги его давно не интере-

совали. Дела шли хорошо, а больше ничего и не требовалось. Он верил, что, возможно, именно так и проведет остаток своих дней, неспешно уходящих в прошлое.

Когда он увидел двоих мужчин, которые шли по тротуару и ничего не жевали, то сразу понял: они направляются именно к нему.

Одному из них на вид было лет сорок, может быть на год-два меньше, второму — двадцать с небольшим. Оба выглядели стройными и подтянутыми. Младший был одет в черную футболку и армейские брюки защитного цвета, и весь его вид говорил о том, что он — сила, с которой следует считаться. На старшем были черный костюм и белая рубашка, и в них он чувствовал себя вполне уютно, несмотря на жару. Его явно ни в коей мере не заботило, что думают по этому поводу окружающие.

Младший подошел первым. Джим улыбнулся и поднял свой поляроид.

— Хотите сфотографироваться?

Живя в Ки-Уэсте, можно было встретить немало однополых пар.

Молодой человек, оказавшийся дюймов на пять ниже Джима, ничего не ответил, лишь окинул его взглядом с головы до ног, словно оценивая — хотя и неясно, с какой целью.

Наконец парень заговорил:

— Вы Джеймс Кайл? — В голосе его прозвучали странные нотки.

Джим с сожалением покачал головой:

— Ошибся, сынок. Моя фамилия Уэстлейк. Извини.

Молодой человек кивнул, но не двинулся с места.

Джим прикинулся дурачком:

— Ты насчет лицензии? Я думал, в наше время это не столь уж и важно.

Он кивнул в сторону художников-портретистов, которые сгрудились в конце Дюваль-стрит, обещая сделать всех похожими на Брэда Питта или Долли Партон.

— Множество людей просто садятся и работают, пытаются воспользоваться своим шансом. Но знаешь, если это действительно проблема, я с радостью...

Он сделал паузу, давая возможность ее заполнить. Но парень молчал, продолжая стоять с непонятым выражением на лице. Вдоль его правой скулы шел старый шрам примерно дюйма в полтора длиной. Где он мог его получить?

— Послушай, сынок... что тебе, собственно, нужно?

Молодой человек повернул голову:

— Не могу поверить, что это он.

Парень обращался к своему спутнику, неожиданно появившемуся рядом. Джима слегка обеспокоило, что кто-то смог оказаться столь близко, оставшись незамеченным. Он вдруг почувствовал, что стареет.

— Это он, — сказал второй. — Ты помнишь меня, Джеймс?

Конечно, Джим его помнил. Это было давно, и тот успел постареть. Но глаза остались такими же бесчувственными и ледяными. Человек выглядел так, словно покинул материнскую утробу уже с дурными намерениями. Джим надеялся никогда больше его не встретить и даже начал верить, что так оно и случится.

Это был Прозорливец.

— Помню. Что тебе нужно?

— У меня для тебя есть работа.

— Мне не нужна работа. У меня уже есть своя.

— Мы ведь договорились, Джеймс.

— Это было давно. Я делал то, что тебе требовалось, потому ты перестал меня об этом просить. Я решил, что все закончилось.

— Нет. Ты знал, что подобное может случиться.

— Что, если я просто решу забыть обо всем этом, повернусь и уйду?

— Тогда ты еще до вечера окажешься в тюрьме, если не будешь к тому времени уже мертв.

Джим посмотрел в сторону пристани. Над головой кружили морские птицы. Одна из лодок со стеклянным днищем медленно входила в гавань в пятидесяти ярдах отсюда, и в ее иллюминаторах отражались лучи солнца. Одни ждали посадки, другие — высадки. Многие ели мороженое. Все оставалось так же, как и прежде, но для него все изменилось. Ему вдруг стало очень холодно, несмотря на выступивший на затылке пот.

Снова повернувшись, он увидел, что молодой все так же смотрит на него холодными голубыми глазами, а уголки его рта слегка дергаются, словно он пытается подавить улыбку.

— Что вам от меня нужно? — устало спросил Джим.

Старший достал из кармана толстый конверт и протянул его Джиму.

— Ты должен быть на месте через три дня. Здесь точные инструкции.

Джим спрятал конверт в сумку.

— Почему я?

— Потому что ты перед нами в долгу и потому что я верю: ты это сделаешь. Не беспокойся. Тебе понравится.

— Я больше не занимаюсь подобными делами.

Прозорливец взглянул на него как на идиота. Он выполнил свою задачу и теперь готов был перейти к следующей, в чем бы та ни заключалась. Молодой парень продолжал смотреть на Джима, едва сдерживая усмешку.

Прежде чем кто-то успел понять, что происходит, левая ладонь Джима плотно легла на поясницу парня. Резким отрывистым движением, которое вряд ли мог заметить кто-либо из прохожих, он вогнал правый кулак молодому человеку в живот, словно приведенный в движение взрывным зарядом поршень. Эффект был подобен удару кирпича по

почкам, и выражение лица принявшего удар человека стало того, чтобы его увидеть.

— Ну что, как дышится, щенок? — наклонившись, прошептал ему на ухо Джим. — Если ты действительно такой крутой, как думаешь, вряд ли тебе сейчас так уж тяжело.

Он похлопал парня по плечу и не спеша отошел назад, с нескрываемым удовольствием глядя на побелевшее лицо и натянувшиеся, словно канаты, жилы на шее. Тот в конце концов сумел издать звук, словно умирающий, пытающийся сделать еще один, последний, вдох.

Джим повернулся ко второму, который невозмутимо стоял рядом, почти не проявляя интереса к происходящему.

— Я все сделаю. И закончим на этом, — сказал ему Джим, повернулся и пошел прочь.

Он жил в сорока минутах ходьбы на север, на поросшем кустарником небольшом островке, который никто не замечал по дороге в Ки-Уэст или из него. Дом был маленький и без бассейна, даже вид из него открывался не самый лучший, хотя, если сидеть в тщательно выбранном месте на крыльце, в определенное время года сквозь деревья можно было увидеть океан.

Джим сидел в кресле, стоявшем именно на таком месте, потягивая из стакана холодный чай со свежими листьями мяты и не видя вообще ничего.

Вернулась домой его соседка Кэрол со своими двумя детьми, помахав ему с расстояния в сорок футов, разделявшего их дворы. Он не ответил, что ее удивило: мистер Уэстлейк был человеком замкнутым, но безукоризненно вежливым, и у него всегда находилась улыбка для ее маленьких ангелочков. Их прелестная фотография, которую он сделал, стояла возле ее кровати.

Кэрол заметила конверт в руках соседа и подумала, что он получил какие-то дурные новости. Она решила заглянуть к нему попозже под тем или иным предлогом. Но тут

Эми и Бритни о чем-то заспорили, и ей пришлось приложить немалые усилия, чтобы загнать их в дом, где находился не знающий усталости телевизор, позволявший ей слегка отдохнуть от детей и выпить бокал вина.

Дверь громко щелкнула, закрываясь за вошедшим в дом семейством, и Джим снова вернулся к своим мыслям. Он посмотрел на конверт, но не стал еще раз извлекать его содержимое. Внутри находились мобильный телефон, клочок бумаги с названием города и две строчки инструкций.

Мысленно он уже отправился в путь, хотя и надеялся, что делать ему этого не придется. Он ненавидел явившегося к нему человека за то, что тот понимал: он не станет рисковать, просто выбросив конверт. Если кто-то знает тебя лучше, чем ты сам, что тебе остается? Он посмотрел сквозь просвет между деревьями на океан, но не увидел ничего, что могло бы ему помочь. Неужели он действительно верил, что все закончилось, что прошедшее десятилетие каким-то образом перечеркнуло все случившееся в прошлом? Если и в самом деле так — то он, судя по всему, последний глупец.

Допив чай, он вошел в дом, сполоснул стакан и оставил его сохнуть возле раковины. У него имелся ровно один стакан, один набор столовых приборов, одна миска для супа и одна тарелка. Ни разу не бывало, чтобы ему этого не хватило. Дом был обставлен мебелью ровно настолько, чтобы случайный визитер не счел обстановку чересчур спартанской. Когда он впервые приехал в Ки-Уэст, подобное было вполне оправданно на случай, если ему придется срочно срывать с места. За прошедшие восемь лет, в течение которых он несколько успокоился и его жизнь обрела равновесие, он понял, что жить так ему нравится.

Зачем иметь что-то в двух экземплярах, когда вполне достаточно одного?

Зачем иметь даже один, если он тебе вообще не нужен?

Он поднялся по лестнице в спальню, где уже стоял небольшой чемодан. Одежда и фотоаппарат лежали на своих

местах, но остальное пустое пространство еще предстояло заполнить. Он подошел к пустому шкафу и присел перед ним на корточки. Хотя колени и давали о себе знать, они вполне справлялись со своей задачей. Как успел убедиться щенок в армейских штанах, тело Джима не собиралось легко сдаваться в схватке со временем.

Приподняв коврик возле шкафа, он снял свободно лежавшую половицу. Не самое оригинальное место для тайника, но если бы существовала хоть малейшая вероятность, что к нему могут прийти с обыском, там не лежало бы ничего. Достав из-под пола обувную коробку, он вернул половицу и коврик на место.

Уложив коробку на свободное место в чемодане, он закрыл крышку, запер чемодан на ключ, а затем, не оглядываясь, вышел из комнаты. Он не хотел, чтобы эту комнату видел Джеймс Кайл. Она принадлежала Джиму Уэстлейку.

Внизу он убедился, что все окна закрыты, а задняя дверь заперта, и вышел из дома. Подошел к своему чисто вымытому белому автомобилю и положил чемодан в багажник.

Несколько мгновений он неподвижно сидел за рулем, глядя на дом. Возможно, он мог оставить там Джима, чтобы тот ждал его, незримо оставаясь внутри. Возможно, он мог сделать то, что собирался сделать, будучи Джеймсом, а потом вернуться и жить как прежде. Быть может, то, что случилось днем, произошло лишь потому, что у него оставалась одна вещь, собственность Джеймса, от которой ему следовало избавиться уже давно. Маленькая потертая металлическая кастрюлька. Ничего особенного, но...

Если хочешь быть никем, ты не должен ничего иметь. Он это знал. Знал уже очень давно. И тем не менее... он ее сохранил. Просто не смог выбросить.

Вот почему Джим стал таким хорошим фотографом.

Он понимал, какое значение имеет память о прошлом.

Наконец он завел двигатель и, отъезжая от тротуара, увидел соседку, стоявшую возле окна кухни. Джим помахал ей, как обычно.

Кэрол улыбнулась и помахала в ответ, радуясь тому, что старик снова в форме, и не понимая, что видит перед собой не Джима Уэстлейка, а совершенно незнакомого человека по имени Джеймс Кайл, который ехал в прошлое, направляясь из этого мира в сторону преисподней.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НИКТО

Между теми, кто уже умер, и теми,
кто еще не родился, мы, живущие,
лишь связующее звено.

Ричард Пог Харрисон.

Царство мертвых

ГЛАВА 1

Меня зовут Уорд Хопкинс, и за последний год в моей жизни случилось немало событий, которые проносятся перед моим внутренним взором с бешеной скоростью, словно беспорядочно летящая стая птиц. Если бы я в свое время поступил иначе, все могло бы быть по-другому. Лучше или хуже — не знаю. Я предпочитаю верить в свободу воли, но одновременно мне представляется, что набор путей, по которым мы движемся, ограничен и мы перемещаемся по предначертанным невидимыми силами траекториям среди бесконечного хаоса. Все мы куда-то бежим, все мы от чего-то прячемся, лежим без сна по ночам, ощущая волнение и беспокорство, чувствуя себя маленькими и беззащитными в тени нашей собственной жизни.

Время — словно озеро, которое становится все глубже год от года, капля за каплей. Поверхностное натяжение, в сочетании с нашей постоянной беспорядочной деятельностью, поддерживает нас на плаву, словно водяных жуков, не осознающих зияющей под ними бездны. Мы чувствуем себя в безопасности, пока не перестанем двигаться и не начнем погружаться в прошлое. Лишь тогда мы начинаем понимать, насколько важны для нас были прошедшие дни, каким образом они поддерживали нас в каждое мгновение настоящего и скольких людей мы оставили позади, застывших во времени, подобно насекомым в янтаре. А пока что нам кажется, будто имеет значение, каким именно путем мы перемещаемся по поверхности. Мы движемся по сложным

траекториям, наблюдаем за теми, кто рядом, редко поднимая взгляд выше горизонта или наклоняясь, чтобы внимательнее разглядеть путь. Но нависающие над озером деревья иногда роняют листья, вызывая рябь на воде, которую мы ощущаем, но не можем понять. Порой также идет дождь из будущего, и иногда весьма сильный.

Время действительно проходит. Но однажды что-то зашевелится глубоко под поверхностью озера, нечто, давно исчезнувшее в прошлом и вместе с тем до сих пор живое. Возникает глубинная волна, холодное течение, подталкивая некоторых из нас друг к другу, а некоторых, наоборот, разделяя еще больше. Большинство следует по воле волны, некоторых она поглощает, и лишь немногие понимают, что вообще что-то произошло. Существа, живущие под нами, редко проявляют себя, заключенные в ловушку прошлого.

Иногда, однако, они не просто шевелятся, но и поднимаются к самой поверхности. Они пугают нас по ночам, словно пронзительный грохот поезда, несущегося через темные холмы к невидимой цели.

Некоторые из дальнейших событий произошли со мной. Но не все.

Я расскажу о том, что знаю.

Первое электронное письмо пришло в конце лета. Мы с Ниной провели день в Шеффере, ближайшем месте, где имелись магазины. Шеффер — крошечный городок в Каскадных горах штата Вашингтон. Его главная улица застроена деревянными домиками, а пять поперечных без особого сожаления уходят в еловые заросли.

В городе есть пара дешевых гостиниц, три бара, неплохое кафе, аптека, продовольственная лавка и рынок, где продают старые книги, компакт-диски и не имеющий особой ценности антиквариат. В парикмахерской женщинам предлагают стрижку, модную во времена президентства Джимми Картера. У дороги удобно расположился мотель, на случай,

если кто-то потеряет счет времени или слишком много выпьет и не сумеет добраться до дома. Есть небольшой железнодорожный музей и полицейский участок во главе с весьма неплохим человеком. Вот, собственно, и все. Место тут вполне приличное, и живут здесь приятные люди, но, по сути, это лишь большое пятно на дороге.

Мы жили в деревянном домике, когда-то являвшемся частью старомодного курорта на орегонском побережье. В конце девяностых пара пенсионеров из Портленда купила три таких домика, перевезла их на грузовиках и поставила на участке в сорок акров в конце заброшенной лесной дороги. Муж вскоре умер, но Патриция до сих пор пребывает в добром здравии. Она чем-то похожа на мою мать, Бет Хопкинс. Патриция предложила нам воспользоваться одним из домиков, после того как мы спасли ее от верной гибели в лесу. Мы немного подумали, кое о чем договорились и приняли предложение.

На участке Патриции располагается большой пруд, а дальше — территория национального парка. Если взглянуть на другой берег осенним вечером, легко поверить, что человечества никогда не существовало, и вряд ли стоит особо печалиться по этому поводу.

Наш домик находился на дальнем берегу, в полумиле от дороги, и состоял из гостиной с камином, маленькой кухни, спальни и ванной. Места вполне хватало. Впрочем, все мое имущество умещалось в багажнике средних размеров автомобиля. Таковой у нас тоже имелся. Он принадлежал женщине, которую мне когда-то представили как агента по особым делам Бейнэм.

Нина. Сейчас она сидела на крыльце перед домиком. Воздух был прохладным, но довольно приятным, и все говорило о том, что до зимы еще далеко. Казалось, будто Нина смотрит на заход солнца, но я знал, что это не так. Наверное, солнце было этому радо. Вряд ли у него получилось бы изящно опуститься за горизонт под пристальным взглядом Нины.

Я стоял в кухне, занимаясь приготовлением салата. Нина большую часть дня молчала, но ее спокойствие напоминало спокойствие большого камня, лежащего на середине склона. Я спросил ее, хорошо ли она себя чувствует, и получил утвердительный ответ, который, однако, звучал неубедительно, хотя и не допускал возражений. Понятия не имею, почему женщины так себя ведут, но тут уж ничего не поделаешь, пока они сами не решат заговорить. Я знал, что разговор нам вскоре предстоит — он назревал уже неделю, — и не слишком спешил его начинать. В итоге моя стряпня начала приобретать причудливые пропорции. Какая-либо кулинарная эстетика давно была позабыта, и салат выглядел так, словно кто-то решил сэкономить усилия, вывалив в миску содержимое целого салат-бара. Я дошел даже до того, что подогрел на плите фасоль и оставил ее остывать в миске с холодной водой, стоявшей в раковине.

Чтобы убить время, я зашел в гостиную и открыл ноутбук Нины. У меня имелся и мой собственный, но на самом деле он не был моим и лежал на чердаке. Вся содержавшаяся в нем информация была скопирована, зашифрована и сохранена на сервере, находившемся далеко отсюда. Однако файлы на ноутбуке являлись самыми ранними версиями из всех, что у меня имелись, и потому оставались для меня не менее важными. Странно, как порой человеческий разум приписывает некий статус и приоритет даже цифровым данным, электронам, которые могут находиться сразу везде и, следовательно, вообще нигде. Видимо, нам приходится верить, что все сущее имеет свое начало. Иначе как оно может закончиться?

Я проверял свою электронную почту самое большее раз в пару недель. На самом деле я не имел никаких контактов с внешним миром. Единственного человека, раньше регулярно писавшего мне, не было в живых — именно ему принадлежал спрятанный на чердаке ноутбук. Вся почта, которую я сейчас получал, состояла из появлявшихся от случая

к случаю предложений сделать пенис тверже или длиннее, получить кучу грантов от всевозможных колледжей или посмотреть скрытую видеозапись знаменитости, трахающейся с каким-то придурком в подозрительно хорошо освещенной домашней обстановке.

И потому, когда я увидел единственное письмо, причем, похоже, адресованное именно мне, меня словно сковало ледяным холодом.

Строка темы содержала лишь два слова: «Уорд Хопкинс?»

Адрес отправителя был мне незнаком — зарегистрированный на хот-мейле, любимом логове спамеров, но не только их. Письмо было отправлено на адрес, принадлежавший мне уже много лет, но которым я не пользовался два или три года. Вряд ли сообщение на этот адрес могло иметь какое-то отношение к моей нынешней жизни.

Я открыл письмо. Оно состояло всего из одной строки: «Мне нужно с вами поговорить».

Я уже начал переносить письмо в корзину, когда что-то вдруг заставило меня засомневаться. Может быть, все же следовало записать адрес отправителя? Стереть — не значит ответить отказом, в чем у меня уже был повод убедиться.

Снаружи послышался скрип половиц. Повернувшись, я увидел направлявшуюся к двери Нину, одетую в черные джинсы и теплую коричневую куртку, которую я купил ей в Якиме пару месяцев назад. Вид у нее был мрачный.

Я быстро закрыл компьютер и вышел в кухню.

— Уорд, я уже насмотрелась на закат до изнеможения, — сказала она. — Где, черт возьми, еда?

— Сейчас будет.

Я вынул фасоль из воды, слегка встряхнул и ловко высыпал поверх остального содержимого миски. Нина молча наблюдала за мной, глядя на результат моих тяжелых трудов.

— Вауля, — сказал я. — Всем салатам салат.

— А ты, похоже, не шутишь. Как насчет нескольких сосновых шишек сверху? И парочку белок, для большей живописности. Могу добыть, если хочешь. А может быть, вообще целое дерево. Скажи свое слово, маэстро.

— Стоп, стоп. — Я поднял руки. — На самом деле я все это делал не ради благодарности. Хватит и удовольствия на твоём лице.

Она слегка улыбнулась.

— Ну и идиот же ты.

— Возможно. Но я — твой идиот. Давай попробуй. Собственно, все равно придется. Больше ничего нет, я использовал все, что было.

Она покачала головой и снова улыбнулась, на этот раз искреннее. Положила несколько ложек салата на тарелку, затем добавила еще, демонстрируя добрые намерения. Потом поцеловала меня в щеку и унесла тарелку и бутылку с вином обратно на крыльцо.

Я последовал за ней. Разговор нам еще предстоял.

Некоторое время мы молча ели.

Воздух был все еще довольно приятным, но в нем уже ощущался холод, спускающийся с горных вершин. Вечер не слишком располагал к поеданию салата. Минут через десять Нина отложила вилку жестом, недвусмысленно говорившим: «С меня достаточно». Ее тарелка все еще была наполовину полна.

— Извини, — сказала она, увидев, что я это заметил. — Знаю, тебе немало пришлось потрудиться.

— Даже чересчур. И ни черта не вышло. Это салат позора. Я же тебе говорил, надо было просто купить у Иззи большую коробку жареной курицы.

— Может быть.

— Однозначно. В этом можешь на меня положиться. Я разбираюсь в еде. Это мой дар. Я могу предсказать лучшую еду на любой день — не только для себя, но и для всего племени. В прошлые времена я мог бы быть шаманом.